

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 2. С. 268–284.
Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 2, pp. 268–284.

Научная статья

УДК 323.111

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-2-268-284>

ФАКТОРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Руслан Салихович Мухаметов¹

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, muhametov.ru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>

Аннотация. Введение: изучение этнических конфликтов в России является одним из популярных исследовательских направлений. Обзор научной литературы показывает, что многие ученые стремятся найти ответ на вопрос, почему в одних российских регионах межэтническая напряженность высокая, а в других – низкая, и понять причины региональной дифференциации в межэтнической напряженности. **Цель:** определение детерминантов межэтнической конфликтности в субъектах Российской Федерации. **Методы:** рассматривается несколько существующих в научной литературе теоретико-методологических подходов к объяснению этнических конфликтов (объяснение межрегиональных вариаций национальным составом населения, уровнем социально-экономической удовлетворенности населения, типом политической системы), на основании чего формулируются рабочие гипотезы, которые проверяются эмпирическим путем с использованием регрессионного анализа. Информационную базу настоящего исследования составили данные Росстата, Рейтинга демократичности регионов Московского центра Карнеги, Рейтинга межэтнической напряженности в регионах России «Гроздь гнева». **Результаты:** выявлено, что большая этническая мозаичность приводит к росту межнациональной напряженности и что между экономическим кризисом и межэтнической конфликтностью существует положительная взаимосвязь. Статистические расчеты демонстрируют, что с увеличением демократичности региона растет и межнациональная напряженность. **Выводы:** автору удалось установить факторы межэтнической напряженности в российских регионах, определяющие

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

около 30 % случаев, что обуславливает необходимость обращения к качественным методам анализа данных и к изучению конкретных случаев.

Ключевые слова: этнический конфликт, межнациональная напряженность, этническая мозаичность, демократия, экономический кризис, регионы России

Для цитирования: Мухаметов Р. С. Факторы межэтнической напряженности в регионах России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 2. С. 268–284. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-2-268-284>.

Original article

FACTORS OF ETHNIC TENSION IN THE REGIONS OF RUSSIA

Ruslan S. Mukhametov¹

¹Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, muhametov.ru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>

Abstract. Introduction: the study of ethnic conflicts in Russia is one of the most popular research areas. Research reviews show that many authors seek to define the determinants of interethnic conflict in the subjects of the Russian Federation and to understand what causes the regional differentiation in interethnic tension. **Objectives:** to find an answer to the question of why the interethnic tension is high in some Russian regions and low in others. **Methods:** several theoretical and methodological approaches to the explanation of interethnic conflicts have been considered. Based on the theoretical approaches existing in sociology and political science, the author formulates working hypotheses and checks them empirically using the regression analysis method. The information base of the research was made up of data from Rosstat, the Rating of Regional Democracy by the Carnegie Moscow Center, the “Grapes of Wrath” Rating of Interethnic Tension in the Russian Regions. **Results:** a considerable ethnic patchiness leads to an increase in interethnic tension. It has been shown that a positive relationship exists between economic crisis and interethnic conflict. Statistical calculations have demonstrated that the growth in regional democracy is accompanied by the increase in interethnic tensions. **Conclusions:** the research results made it possible for the author to identify the regional interethnic tension determiners, resulting in around 30 % of all the cases. This brings about the necessity to further use the qualitative methods of data analysis and case-study research.

Keywords: ethnic conflict, interethnic tension, ethnic division, democracy, economic crisis, regions of Russia

For citation: Mukhametov, R. S. (2022), “Factors of ethnic tension in the regions of Russia”, *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 2, pp. 268–284, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-2-268-284>.

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество представлено самыми разными народами и этническими группами. Каждая нация имеет собственные традиции, обычаи, язык и т. д. и тем самым вносит свой вклад в многообразную глобальную культуру.

Россия в этом плане не является исключением. Она представляет собой полиэтничное государство, что отражено в Основном законе¹ страны. На ее территории, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года, проживает более 190 народов². Как отмечают исследователи, этническое многообразие России имеет два основных источника. Первый связан с расширением страны путем захвата новых земель в результате военных конфликтов (например, осада и взятие в 1552 году Казани и покорение в 1556 году Астраханского ханства при Иване Грозном) или присоединения (добровольного вхождения) к Московскому царству (Российской империи) территорий и народов, в основном тюркских, вне пределов Восточно-Европейской равнины. Вторым источником – поток мигрантов, как правило, из бывших советских республик (Tatarko et al., 2015, p. 4). В 2020 году, по данным ООН, Россия занимала четвертое место по числу мигрантов (12 млн), уступая США (51 млн), Германии (16 млн) и Саудовской Аравии (13 млн)³. Несмотря на многонациональный состав российского общества, индекс этнического фракционирования исследователи оценивают ниже среднего. В частности, по расчетам Д. Фирона он составляет 0,333 (Fearon, 2003, p. 216), а А. Алесины – 0,245 (Alesina et al., 2003, p. 188). Надо сказать, что полиэтничность может быть причиной / предпосылкой конфликтов. С. Хантингтон утверждал, что в современном мире войны и конфликты происходят между народами различной культурной идентификации, разными цивилизациями, выделенными по этноконфессиональному принципу, поскольку люди соотносят себя именно с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями (Хантингтон, 2003, с. 13–15, 24–25). Однако Россия – большое по территории государство, которое состоит из 85 регионов, отличающихся между собой культурно, географически, климатически, экономически. В этой связи исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: почему в одних российских регионах межэтническая напряженность высокая, а в других – низкая? Чем это обусловлено? Поиск ответа на поставленный вопрос, то есть определение детерминантов межэтнической конфликтности в субъектах Российской Федерации, и является целью настоящей статьи.

Необходимо отметить, что это не первое исследование в указанном направлении. Обзор научной литературы убеждает в том, что ученые уделяют большое внимание данной проблематике. По мнению одних экспертов, состояние межнациональных отношений в регионах обусловлено типом поселения: наибольшая острота проблемы наблюдается в городах-миллионниках, значительно меньшая – в средних и малых городах, самая низкая – в сельской местности. Отмечается, что во всех типах поселений принадлежность к тради-

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенар. голосованием 12.12.1993. Ч. 1 ст. 3, ч. 1, 4 ст. 68. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 04.04.2022).

² Назван самый малочисленный народ России [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2020. 9 авг. URL: <https://ria.ru/20200809/1575541224.html> (дата обращения: 04.04.2022).

³ Основные показатели международной миграции на 2020 год [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Орг. объедин. наций 2021. Янв. С. 2. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/imr2020_10_key_messages_ru_1.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

ционными конфессиями понижает негативность восприятия межнациональных отношений, тогда как самые отрицательные характеристики можно видеть в атеистической группах (Мчедлова, 2016, с. 44). Другие ученые указывают на этническую миграцию из «южных республик» бывшего Советского Союза как фактор межэтнической напряженности в российских регионах (Швец и Кишкун, 2017, с. 146). Н. С. Мاستикова говорит о таких детерминантах межэтнической напряженности, как размер населенного пункта, трудовая занятость респондента, уровень толерантности (Мастикова, 2017, с. 109–110). В другой своей работе в числе основных причин межэтнической напряженности автор называет размер валового внутреннего продукта на душу населения, долю мигрантов в общей численности населения и количество мигрантов, приехавших за последние пять лет, доверие к людям, вид занятости (Мастикова, 2016, с. 107). Ученые из Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук к наиболее значимым факторам, которые влияют на состояние межнациональных отношений, отнесли субъективные оценки состояния и динамики материального положения, уровень религиозности, тип населенного пункта, возраст, практики этнически избирательного контроля (Епихина и Черныш, 2017, с. 143, 240, 266). Важно подчеркнуть, что тематика, связанная с этническими конфликтами, является одной из популярных в академической среде и авторы отмеченных выше трудов составляют только малую часть огромного научного сообщества исследователей межэтнических конфликтов.

Настоящая статья отличается от предшествующих работ. Во-первых, методами сбора данных: в более ранних исследованиях предпочтение отдавалось массовому анкетному и экспертному опросам, фокус-группам и полуструктурированным интервью, здесь же мы оперируем информацией, взятой из статистических баз данных. Во-вторых, методами анализа эмпирических данных: если предыдущие исследования содержали описательную статистику либо кластерный и факторный анализы, то в этом основном методом стал регрессионный анализ, дающий, на наш взгляд, более точное понимание межэтнической напряженности. Наконец, основное внимание в статье уделено изучению влияния политических факторов и экономических кризисов на межнациональную напряженность на субнациональном уровне. В этой области наблюдался «научный вакуум», поскольку предшествующая литература в качестве детерминантов межэтнической напряженности исследовала характер расселения этнических групп, межэтническое неравенство и т. д.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сегодня изучение этнических конфликтов является одним из основных направлений исследований в социальных науках. Межнациональная напряженность может быть обусловлена множеством причин, и в научной литературе существует несколько подходов к объяснению диспропорций в уровне региональной межэтнической напряженности.

Во-первых, межрегиональные вариации объясняются национальным составом населения. Одним из ученых, придерживавшихся такого взгляда, являлся Т. Ванханен (Vanhanen, 1999; Ванханен, 2014). Он предполагал,

что этнически неоднородные государства неизбежно будут переживать межнациональные конфликты и межэтническая напряженность распространена в государствах, где люди разделены на отдельные этнические группы, которые могут иметь расовую, национальную, языковую, племенную, религиозную или кастовую основу. Другие исследователи подтверждают данный тезис эмпирическим путем (Esteban et al., 2012). Более разнообразные общества, с точки зрения сторонников этого подхода, более склонны к конфликтам из-за глубоко укоренившихся различий между группами населения внутри общества – этнических, религиозных и расовых. Этническая ненависть рассматривается как корень большинства гражданских конфликтов. Утверждается, что чем сильнее этнически разделено общество, тем чаще политические и другие конфликты интересов могут направляться в этническое русло (Bleaney and Dimico, 2017). Надо отметить, что рядом ученых данная точка зрения оспаривается (Klašnja and Novta, 2016). Поэтому связь между этническими конфликтами и этническими общностями представляется двоякой. В таких условиях интересно проверить основные положения этого подхода на российской почве.

Во-вторых, исследования показывают, что уровень межнациональной напряженности зависит от уровня социально-экономической удовлетворенности населения в целом или отдельных групп. Так, межэтническая напряженность мотивируется чувством недовольства социально-экономической ситуацией (Гарр, 2005). В рамках этого подхода наиболее устоявшейся теорией, объясняющей региональную межнациональную напряженность, выступает теория групповых конфликтов. Ее сторонники утверждают, что корни антииммиграционных настроений, этнических предрассудков, межэтнической напряженности следует искать в сфере экономики (Olzak, 2013). Теория групповых конфликтов предсказывает, что экономическая незащищенность порождает этническую конкуренцию за скудные материальные блага. В результате негативное отношение к иммигрантам будет преобладать среди лиц, которые находятся в уязвимом социально-экономическом положении, то есть среди лиц с более низким уровнем образования и доходов, безработных и низкоквалифицированных работников (Schneider, 2008). Общая идея заключается в том, что враждебное отношение к другим этническим группам можно рассматривать как защитную реакцию на предполагаемую межгрупповую конкуренцию за дефицитные товары (Meuleman, 2011). Местное население видит в других этнических группах конкурентов за такие ограниченные экономические выгоды, как хорошо оплачиваемая работа, безопасные рабочие места, доступное жилье или ресурсы государства всеобщего благосостояния (Billiet et al., 2014). Следовательно, в экономически тяжелые времена люди с большей вероятностью обвиняют другие этнические группы в своих проблемах.

Наконец, большинство ученых предполагают, что на уровень насилия в стране влияет тип политической системы. Эти исследователи показывают, что чем демократичнее государство, тем менее вероятно то, что оно столкнется с высоким уровнем насилия, в том числе и этнического (Noy and Doran, 2015). Демократические режимы, как правило, являются более легитимными

в глазах людей, поскольку допускают политическое участие отдельных групп граждан. Кроме того, демократическая система делает упор на компромисс: конфликты в ней обычно разрешаются путем переговоров, принуждение и насилие не считаются законными средствами их разрешения. Демократическая система может предложить эффективные средства мирного урегулирования глубоко укоренившихся разногласий с помощью инклюзивных, справедливых и подотчетных социальных институтов. «Хорошие» институты уменьшают межнациональную напряженность, потому что снижают структурную несправедливость. Демократические режимы обладают определенной степенью гибкости, а также способностью к постоянной адаптации, что позволяет мирно разрешать имеющиеся конфликты, в том числе и межэтнические (Dunning, 2019).

Боле того, выстраивая нормы поведения, основанные на переговорах, компромиссах и сотрудничестве между политическими субъектами, демократия сама по себе оказывает умиротворяющее воздействие на характер политических отношений между людьми и между правительствами. Такие демократические ценности, как плюрализм, терпимость, инклюзивность, переговоры и компромисс, являются ключом к построению обществ и государств без насильственных конфликтов (Prince, 2018).

Итак, основываясь на вышеперечисленных теоретических подходах, мы можем сформулировать несколько рабочих гипотез.

Гипотеза 1: чем больше этническая неоднородность региона, тем больше рост межнациональной напряженности.

Гипотеза 2: более высокая межэтническая напряженность вероятна в периоды экономического спада.

Гипотеза 3: в более демократических субъектах Российской Федерации межэтническая напряженность ниже.

Далее мы проверим эти гипотезы эмпирическим путем.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Переменные. В качестве зависимой переменной выступает межэтническая напряженность в субъектах Российской Федерации (переменная ETHNIC). Источник данных – исследования уровня межэтнической напряженности в регионах России, проводившиеся сотрудниками Центра изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и федеральной экспертной сети «Клуб регионов» в 2013–2014 годах. По итогам этих исследований было опубликовано два доклада⁴, в которых все регионы распределялись по результатам опроса экспертов на пять групп по степени межэтнической конфликтности. Поскольку исследований было два (осень 2013 – весна 2014 года, весна и осень 2014 года), каждый субъект Российской Федерации получил среднее значение. Необ-

⁴ *Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 – весна 2014 года* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Клуба регионов. 2014. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (дата обращения: 02.04.2022); *Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна – осень 2014 года* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Клуба регионов. 2014. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/> (дата обращения: 02.04.2022).

ходимо отметить, что сам источник информации – проект «Гроздь гнева» ЦИНКа – подвергся критике со стороны научного сообщества⁵. Наш выбор «Гроздь гнева» обусловлен тем, что эти исследования являются единственным источником, который содержит сведения по всем российским регионам.

В качестве объясняющей (независимой) переменной выступает степень этнической гетерогенности, которая операционализована через индекс этнической мозаичности региона (переменная FRACTION). Указанный индекс посчитан по формуле Б. М. Эккеля (Эккель, 1976) на основе данных Росстата о национальном составе субъектов Российской Федерации⁶. Влияние демократического фактора (переменная DEMOS) на межэтническую напряженность было операционализовано через баллы, которые получили субъекты Российской Федерации в экспертном Рейтинге демократичности регионов от Московского центра Карнеги⁷. При проверке гипотезы об обусловленности межэтнической конфликтности экономическим фактором (теория групповых конфликтов) независимая переменная ECONOM была операционализована через индекс физического объема ВРП в процентах: переменная получала значение 1, если в период 2012–2014 годов хотя бы раз фиксировалось падение ВРП к предыдущему календарному году; если нет, то переменная получала значение 0. В качестве источника выступили данные Росстата⁸.

Методом анализа статистических данных является метод множественной линейной регрессии. Статистические расчеты проводились в прикладной программе Gretl. Описательная статистика по переменным представлена в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика / Descriptive statistics

Переменная	Среднее	Медиана	Минимум	Максимум	Стат. отклонение
ETHNIC	2,1205	2	1	5	1,0580
FRACTION	0,27450	0,18700	0,053900	0,83520	0,20124
DEMOS	30,145	30	16	43	5,8625
ECONOM	0,68675	1	0	1	0,46664

Источник: рассчитано автором на основе данных ЦИНКа, Росстата, Рейтинге демократичности регионов.

⁵ См., напр.: Халитова И. Как ученые ощипали «Гроздь гнева» [Электронный ресурс] // Респ. Татарстан. 2014. 27 нояб. URL: <https://rt-online.ru/p-rubr-obsh-10115703/> (дата обращения: 02.04.2022).

⁶ Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Росстата. 2022. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения: 04.04.2022).

⁷ Петров Н., Титков А. Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Carnegie Endowment for International Peace. 2013. Дек. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (дата обращения: 04.04.2022).

⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. М.: Росстат, 2018. 1162 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg-pok18.pdf> (дата обращения: 04.04.2022).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

С помощью методов регрессионного анализа в статье оценивается влияние этнической мозаичности, экономической обстановки и степени демократичности на уровень региональной межнациональной напряженности. Итоги проведенного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Результаты регрессионного анализа / Regression analysis results

Переменная	Коэффициент	Станд. ошибка	t-статистика	P-значение
FRACTION	1,09876	0,564300	1,947	0,0551*
ECONOM	0,518279	0,233352	2,221	0,0292**
DEMOS	0,0628646	0,0192864	3,260	0,0016***
const	-0,432083	0,671149	-0,6438	0,5216
R-квадрат – 0,27			Число наблюдений – 83	

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Источник: рассчитано автором.

Как видно из таблицы 2, существование прямой взаимосвязи между этническими разделениями и межэтнической напряженностью подтверждается эмпирическим путем. Иными словами, увеличение этнической гетерогенности на субнациональном уровне приводит к росту региональной межнациональной напряженности. Надо заметить, что это в какой-то степени противоречит существующей в научной литературе точке зрения. В большинстве работ утверждается, что общероссийская и этническая идентичности в России совместимы (Дробижева, 2020, с. 45) и находятся на одинаково высоком уровне (Дробижева и Рыжова, 2021, с. 49). Некоторые ученые считают, что в субъектах Российской Федерации, особенно в республиках, «ситуация с государственно-гражданской идентичностью зачастую лучше, чем в центре и в целом по стране» (Арутюнова, 2017, с. 259). Исследователи выделяют несколько причин роста общегражданской идентичности. Во-первых, привыкание к новому очертанию границ России, этническому составу населения, новым социальным отношениям. Во-вторых, пропаганда общероссийской идентичности (распространение и популяризация в российском медийном и политическом пространстве таких выражений, как «россияне», «мы – граждане России»). В-третьих, внешнеполитический фактор, связанный с осложнением межгосударственных отношений между Москвой и Вашингтоном – Брюсселем на фоне событий 2014–2015 годов в Украине и с актуализацией в информационном пространстве образа недружественных стран, что способствовало усилению консолидации россиян перед «другими». Наконец, свою роль в стимулировании общероссийской идентичности сыграли такие международные спортивные соревнования, проводившиеся на территории Российской Федерации, как Олимпиада в Сочи и чемпионат мира по футболу (Дробижева, 2020, с. 44).

Важно подчеркнуть, что высокий уровень общегражданской идентичности – относительно новое явление. Изучение этнической идентичности на республиканских выборах показывает, что представители национальностей, давших название республикам (например, татары, башкиры, карелы, якуты), по сравнению с русскими жителями этих республик, чаще ощущают единство с людьми своей национальности в «значительной степени» (Рыжова, 2018, с. 121–122). Ученые отмечают, что для постсоветского периода характерен заметный рост этногрупповой мобилизации титульных групп республик, связанный с «такими этнокультурными интересами, как “национальное возрождение народа”, поддержка его культуры, языка и религии, а также с “защитой чести и достоинства своего народа” и опытом ущемления из-за национальности» (Рыжова, 2011, с. 87). В целом по стране, по мнению экспертов, этническая идентичность доминировала до середины первого десятилетия 2000-х (Дробижева, 2013, с. 41). В этой связи оценку влияния этнической мозаичности на межнациональную напряженность надо проверить для уточнения выводов не на пространственных (перекрестных) данных, как в нашем исследовании, а на панельных данных (в настоящий момент это не представляется возможным ввиду их отсутствия). Необходимо отметить, что этническая гетерогенность не объясняет происхождения конкретных межнациональных конфликтов, но она в значительной степени выступает их предпосылкой. Этнические конфликты часто являются результатом столкновения культурных, религиозных или языковых идентичностей, которое в конечном итоге может перерасти или не перерасти в открытую конфронтацию и насилие.

В таблице 2 показано, что между экономическим спадом и высоким уровнем межнациональной напряженности существует прямая взаимосвязь: экономические проблемы приводят к росту конфликтности между отдельными этническими группами. Это позволяет нам сделать вывод о справедливости второй гипотезы. Как отмечают исследователи, существуют два механизма, с помощью которых экономический спад может повлиять на рост уровня напряженности (Bohlken and Sergenti, 2010). Во-первых, экономический спад может мотивировать политиков перенести ответственность за него на другую этническую группу. Чем медленнее темпы экономического роста, тем более выгодным для некоторых действующих политиков становится разжигание этнических настроений: оно отвлекает внимание избирателей от ухудшения экономических условий, в котором могут обвинить представителей власти. Такие политики способны поощрять собственных сторонников обвинять другую этническую общину в своих проблемах, тем самым усиливая вражду между двумя общинами, что может привести к насилию. Во-вторых, экономические трудности снижают издержки участия в акциях протеста и беспорядках. В периоды более ограниченных возможностей для трудоустройства, более низкой заработной платы затраты на участие в беспорядках могут быть ниже, в то время как выгоды от грабежей и / или денежных компенсаций за участие могут показаться более привлекательными.

Наконец, статистические расчеты показывают прямую взаимосвязь между степенью демократичности субъектов Российской Федерации и уровнем региональной межэтнической напряженности: для более демократичных регио-

нов характерна более высокая межнациональная напряженность. Другими словами, третья гипотеза, сформулированная на основе демократической нормативной теории и предполагавшая обратную (отрицательную) зависимость между переменными, не нашла своего эмпирического подтверждения. Как нам представляется, это обусловлено рядом причин. Во-первых, согласно теории плюралистической демократии, любое общество представляет собой совокупность групп с различными интересами. В рамках данной концепции суть политики – это противоречия и конфликты, вытекающие из деятельности этих групп (Dahl, 2005, p. 122–123). В этнически или культурно сегментированных обществах демократия может усугублять политическую напряженность и поляризовать группы, в том числе и по этническим признакам, поощрять политическое поведение с нулевой суммой, особенно со стороны большинства (Lublin, 2017). Во-вторых, при демократических режимах затраты на протесты меньше, а воспринимаемые выгоды больше (протесты могут повлиять на политиков). Группы с большей вероятностью могут протестовать в демократических системах, поскольку антиправительственные акции легче организовать в более открытых обществах. В-третьих, значение имеет институциональный дизайн. Несмотря на важность демократии, плохо разработанные демократические институты могут способствовать разжиганию межэтнической розни. Эмпирические наблюдения показывают, что верный выбор формы правления помогает управлять межнациональными отношениями. Согласно исследованиям российских ученых, президентская система снижает риск этнических конфликтов и благоприятствует этническому миру и согласию, но при этом сокращает возможности для представительства этнических групп. Напротив, парламентская система создает больше возможностей для политического представительства этнических групп, но при такой форме правления возрастают и риски этнических конфликтов (Зазнаев и Сидоров, 2020). Другие политологи в качестве одного из способов разрешения этнических конфликтов и смягчения межнациональной напряженности называют конституционную инженерию избирательных систем. В частности, А. Лейпхарт говорит о пользе пропорциональной системы (Lijphart, 2004), в то время как другие эксперты указывают на альтернативное голосование как один из видов мажоритарной избирательной системы (Wolff, 2011).

Подчеркнем, что вышеназванные факторы – этническая мозаичность, социально-экономические условия и уровень региональной демократичности – объясняют около трети случаев (R-квадрат равен 0,27) межнациональной напряженности в субъектах Российской Федерации. В этих условиях представляется необходимым продолжить изучение данной темы с целью нахождения более сильных детерминантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В силу полиэтнического характера российского общества изучение факторов межнациональной напряженности представляется актуальной задачей. В таких условиях не удивительно, что в научной литературе можно встретить достаточное количество исследований, в которых ученые стремятся понять

причины региональной дифференциации межэтнической напряженности в России. Анализ этих работ показывает, что в большинстве из них основным методом сбора информации выступает анкетирование (опрос), а методом анализа данных – описательная статистика. В настоящей статье мы занимались поиском ответа на поставленный выше вопрос, используя иные методы (регрессионный анализ данных), и в результате пришли к следующим выводам. Статистический анализ продемонстрировал существование прямой связи между этнической мозаичностью и межэтнической напряженностью. Это означает, что на территории с более разнообразным национальным составом межнациональная конфликтность выше. Другой сделанный нами вывод состоит в том, что между экономическим кризисом и более высоким уровнем межнациональной напряженности существует положительная взаимосвязь, то есть рост последней более вероятен при неблагоприятных экономических условиях. Иначе обстоит дело с третьей гипотезой, которая не нашла своего эмпирического подтверждения. Мы предполагали, что в более демократических регионах страны межэтническая напряженность меньше. Однако регрессионный анализ показал не отрицательную зависимость, а прямую (положительную) взаимосвязь между уровнем региональной этнической конфликтности и степенью демократичности субъектов Российской Федерации.

Данные выводы имеют прикладное значение. В силу полиэтнического характера России перед органами исполнительной власти различного уровня стоят задачи по сохранению и укреплению межнационального мира и согласия в стране. Понимание факторов, способных привести к росту межэтнической напряженности, может повлиять на разработку и реализацию не только государственной национальной политики, но и проводимого социально-экономического и внутривластного курса.

Статья вносит свой вклад в исследования нескольких направлений, связанных с этнической проблематикой. Выводы, полученные нами в ходе изучения факторов региональной межэтнической напряженности в России, могут быть использованы в работах по социальной детерминированности межэтнических отношений. Кроме того, данная статья представляет интерес для исследователей этнических конфликтов, поскольку демонстрирует их взаимосвязь с политическими, социальными, культурными или территориальными вопросами.

Что касается направлений дальнейших исследований, то, во-первых, представляется возможным более подробно и глубоко изучить влияние политических, институциональных факторов, например, воздействие коррупции на уровень региональной межэтнической конфликтности в России. Во-вторых, стоит подумать о приложении таких частных теорий возникновения этнических конфликтов, как, например, «дилемма этнической безопасности» или изучить роль предрассудков и СМИ в росте межнациональной напряженности. Наконец, оценку влияния рассмотренных в настоящей статье факторов на межнациональную напряженность можно (или лучше) проверить не на пространственных (перекрестных) данных, как в нашем исследовании, а на панельных данных, хотя этот подход и ограничивается отсутствием информации по всем регионам страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Арутюнова Е. М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2017. С. 259–272.

Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме / Пер. с англ. Д. О. Румянцева. М.: Кучково поле, 2014. 287 с.

Гарр Т. Почему люди бунтуют / Пер. с англ. В. Анурина. СПб.: Питер, 2005. 461 с.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробужева. М.: Рос. полит. энцикл., 2013. 485 с.

Дробужева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>.

Дробужева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1–2. С. 39–52.

Дрбовцева М. В., Котова М. В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47. С. 1–27. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.464>.

Зазнаев О. И., Сидоров В. В. Президентская или парламентская система: что препятствует этническому конфликту? // Политическая наука. 2020. № 4. С. 290–308. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.14>.

Мастикова Н. С. Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.) // Социологический журнал. 2016. Т. 22, № 1. С. 95–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3921>.

Мастикова Н. С. Факторы влияния на индекс межэтнической напряженности в России // Современные исследовательские практики в социологии: сб. ст. материалов конф. молодых ученых / Под общ. ред. В. В. Семеновой. М.: Федер. науч.-исслед. социол. центр Рос. акад. наук, 2017. С. 101–112.

Мчедлова М. М. Религиозно-мировоззренческий фактор и межнациональные отношения в России // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2, № 3. С. 40–44. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2016-2-3-40-44>.

Рыжова С. В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 2018. С. 119–135.

Рыжова С. В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М.: Альфа-М, 2011. 280 с.

Социальные факторы межэтнической напряженности в России / Отв. ред. Ю. Б. Епихина, М. Ф. Черныш. М.: Федер. науч.-исслед. социол. центр Рос. акад. наук, 2017. 336 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: Издательство АСТ, 2003. 603 с.

Швец А. Б., Кишкун В. Ю. Причины межэтнической напряженности в регионах современной России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. В. Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3, № 3–1. С. 135–150.

Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–42.

Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W. et al. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8, № 2. P. 155–194.

Billiet J., Meuleman B., De Witte H. The relationship between ethnic threat and economic insecurity in times of economic crisis: Analysis of European social survey data // Migration Studies. 2014. Vol. 2, № 2. P. 135–161. <https://doi.org/10.1093/migration/mnu023>.

Bleaney M., Dimico A. Ethnic diversity and conflict // Journal of Institutional Economics. 2017. Vol. 13, № 2. P. 357–378. <https://doi.org/10.1017/S1744137416000369>.

Bohlken A. T., Sergenti E. J. Economic growth and ethnic violence: An empirical investigation of Hindu-Muslim riots in India // Journal of Peace Research. 2010. Vol. 47, № 5. P. 589–600. <https://doi.org/10.1177/0022343310373032>.

Dahl R. Who governs? Democracy and power in an American city. New Haven, London: Yale University Press, 2005. 355 p.

Dunning T. Decentralization and ethnic diversity // Decentralized governance and accountability: Academic research and the future of donor programming / Ed. by J. Rodden, E. Wibbels. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 248–272. <https://doi.org/10.1017/9781108615594.011>.

Esteban J., Mayoral L., Ray D. Ethnicity and conflict: An empirical study // American Economic Review. 2012. Vol. 102, № 4. P. 1310–1342. <https://doi.org/10.1257/aer.102.4.1310>.

Fearon J. Ethnic and cultural diversity by country // Journal of Economic Growth. 2003. Vol. 8, № 2. P. 195–222. <https://doi.org/10.1023/A:1024419522867>.

Klašnja M., Novta N. Segregation, polarization, and ethnic conflict // The Journal of Conflict Resolution. 2016. Vol. 60, № 5. P. 927–955. <https://doi.org/10.1177/0022002714550084>.

Lijphart A. Constitutional design for divided societies // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15, № 2. P. 96–109. <https://doi.org/10.1353/jod.2004.0029>.

Lublin D. Electoral systems, ethnic heterogeneity and party system fragmentation // British Journal of Political Science. 2017. Vol. 47, № 2. P. 373–389. <https://doi.org/10.1017/S0007123415000137>.

Meuleman B. Perceived economic threat and anti-immigration attitudes: Effects of immigrant group size and economic conditions revisited // Cross-cultural analysis: Methods and applications / Ed. by E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet. New York: Routledge, 2011. P. 281–310. <https://doi.org/10.4324/9781315537078-10>.

Noy S., Doran K. Globalization and the national determinants of violent and nonviolent ethnic conflict // Journal of Political & Military Sociology. 2015. Vol. 43. P. 27–58.

Olzak S. Competition theory of ethnic / racial conflict and protest // The Wiley-Blackwell encyclopedia of social and political movements. Vol. 1 / Ed. by D. A. Snow, D. della Porta, B. Klandermans et al. Chichester, Malden: Wiley-Blackwell, 2013. P. 45–49. <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm043>.

Prince S. Against ethnicity: Democracy, equality, and the northern Irish conflict // Journal of British Studies. 2018. Vol. 57, № 4. P. 783–811. <https://doi.org/10.1017/jbr.2018.117>.

Schneider S. L. Anti-immigrant attitudes in Europe: Outgroup size and perceived ethnic threat // European Sociological Review. 2008. Vol. 24, № 1. P. 53–67. <https://doi.org/10.1093/esr/jcm034>.

Tatarko A., Mironova A., Chuvashov S. Does ethnic diversity affect social capital in the Russian context? // Higher School of Economics Research Paper № WP BRP 63/SOC/2015. 2015. 19 p. <https://doi.org/10.2139/SSRN.2613357>.

Vanhanen T. Domestic ethnic conflict and ethnic nepotism: A comparative analysis // Journal of Peace Research. 1999. Vol. 36, № 1. P. 55–73. <https://doi.org/10.1177/0022343399036001004>.

Wolff S. Managing ethno-national conflict: Towards an analytical framework // Commonwealth and Comparative Politics. 2011. Vol. 49, № 2. P. 162–195. <https://doi.org/10.1080/14662043.2011.564471>.

Информация об авторе

Р. С. Мухаметов – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

SPIN-код (РИНЦ): 2774-6303

AuthorID (РИНЦ): 538787

Web of Science ResearcherID: M-7158-2016

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 07.05.2022; принята к публикации 07.05.2022.

References

Arutyunova, E. M. (2017), “State-civil and ethnic identity of youth: The all-Russian context and regional specifics”, in Gorshkov, M. K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik. Vypusk 15* [Russia in reform: Year-book. Vol. 15], Novyi khronograf, Moscow, Russia, pp. 259–272.

Vanhanen, T. (2014), *Etnicheskie konflikty. Ikh biologicheskie korni v etnicheskom favoritizme* [Ethnic conflicts: Their biological roots in ethnic nepotism], translated by Rummyantsev, D. O., Kuchkovo pole, Moscow, Russia.

Gurr, T. (2005), *Pochemu lyudi buntuyut* [Why people rebel], translated by Anurin, V., Piter, St. Petersburg, Russia.

Drobizheva, L. M. (ed.) (2013), *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, ethnic and regional identity: Yesterday, today, tomorrow], Political Encyclopedia Publishers, Moscow, Russia.

Drobizheva, L. M. (2020), "Russian identity: Searching for definition and distribution dynamics", *Sociological Studies*, no. 8, pp. 37–50, <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>.

Drobizheva, L. M. and Ryzhova, S. V. (2021), "All-Russian identity in the sociological dimension", *Vestnik rossijskoj nacii (Bulletin of Russian nation)*, no. 1–2, pp. 39–52.

Drobovtseva, M. V. and Kotova, M. V. (2016), "The interrelation between national and ethnic identity among Russian citizens: Sociocultural factors as moderators", *Psychological Studies*, no. 47, pp. 1–27, <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.464>.

Zaznaev, O. I. and Sidorov, V. V. (2020), "Presidential or parliamentary system: What prevents ethnic conflict?", *Political Science*, no. 4, pp. 290–308, <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.14>.

Mastikova, N. S. (2016), "Ethnic tension in Russia and Europe (according to the European social survey, 2012)", *Sociological Journal*, no. 1, pp. 95–113, <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3921>.

Mastikova, N. S. (2017), "Factors of influence on the index of interethnic tension in Russia", in Semenova, V. V. (ed.), *Sovremennye issledovatel'skie praktiki v sotsiologii: sbornik statei materialov konferentsii molodykh uchenykh* [Modern research practices in sociology: Collection of conference materials of the young scientists], Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 101–112.

Mchedlova, M. M. (2016), "Religious and the worldview factors and interethnic relations in Russia", *Research result. Sociology and Management*, vol. 2, no. 3, pp. 40–44, <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2016-2-3-40-44>.

Ryzhova, S. V. (2018), "The content and dynamics of ethnic identity in Russia", in Tishkov, V. A. and Stepanov, V. V. (eds.), *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and religious diversity of Russia], 2nd ed., Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 108–124.

Ryzhova, S. V. (2011), *Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti* [Ethnic identity in the context of tolerance], Alfa-M, Moscow, Russia.

Epikhina, Yu. B. and Chernysh, M. F. (eds.) (2017), *Sotsial'nye faktory mezhetnicheskoi napryazhennosti v Rossii* [Social factors of interethnic tension in Russia], Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Huntington, S. (2003), *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilizations and the remaking of world order], translated by Velimeev, T. and Novikov, Yu., AST Publishing House, Moscow, Russia.

Shvets, A. B. and Kishkun, V. Yu. (2017), "Causes of interethnic tension in the regions of contemporary Russia", *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. V. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*, vol. 3, no. 2, pp. 135–150.

Ekkel, B. M. (1976), "Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR", *Soviet Ethnography*, no. 2, pp. 33–42.

- Alesina, A., Devleeschauwer, A., Easterly, W. et al. (2003), "Fractionalization", *Journal of Economic Growth*, vol. 8, no. 2, pp. 155–194.
- Billiet, J., Meuleman, B. and De Witte, H. (2014), "The relationship between ethnic threat and economic insecurity in times of economic crisis: Analysis of European social survey data", *Migration Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 135–161, <https://doi.org/10.1093/migration/mnu023>.
- Bleaney, M. and Dimico, A. (2017), "Ethnic diversity and conflict", *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 2, pp. 357–378, <https://doi.org/10.1017/S1744137416000369>.
- Bohlken, T. and Sergenti, E. J. (2010), "Economic growth and ethnic violence: An empirical investigation of Hindu-Muslim riots in Indi", *Journal of Peace Research*, vol. 47, no. 5, pp. 589–600, <https://doi.org/10.1177/0022343310373032>.
- Dahl, R. (2005), *Who governs? Democracy and power in an American City*, Yale University Press, London, UK, New Haven, CT, US.
- Dunning, T. (2019), "Decentralization and ethnic diversity", in Rodden, J. and Wibbels, E. (eds.), *Decentralized governance and accountability: Academic research and the future of donor programming*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 248–272, <https://doi.org/10.1017/9781108615594.011>.
- Esteban, J., Mayora, L. and Ray, D. (2012), "Ethnicity and conflict: An empirical study", *American Economic Review*, vol. 102, no. 4, pp. 1310–1342, <https://doi.org/10.1257/aer.102.4.1310>.
- Fearon, J. (2003), "Ethnic and cultural diversity by country", *Journal of Economic Growth*, vol. 8, no. 2, pp. 195–222, <https://doi.org/10.1023/A:1024419522867>.
- Klašnja, M. and Novta, N. (2016), "Segregation, polarization, and ethnic conflict", *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 5, pp. 927–955, <https://doi.org/10.1177/0022002714550084>.
- Lijphart, A. (2004), "Constitutional design for divided societies", *Journal of Democracy*, vol. 15, no. 2, pp. 96–109, <https://doi.org/10.1353/jod.2004.0029>.
- Lublin, D. (2017), "Electoral systems, ethnic heterogeneity and party system fragmentation", *British Journal of Political Science*, vol. 47, no. 2, pp. 373–389, <https://doi.org/10.1017/S0007123415000137>.
- Meuleman, B. (2011), "Perceived economic threat and anti-immigration attitudes: Effects of immigrant group size and economic conditions revisited", in Davydov, E., Schmidt, P. and Billiet, J. (eds.), *Cross-cultural analysis: Methods and applications*, Routledge, NY, US, pp. 281–310, <https://doi.org/10.4324/9781315537078-10>.
- Noy, S. and Doran, K. (2015), "Globalization and the national determinants of violent and nonviolent ethnic conflict", *Journal of Political & Military Sociology*, vol. 43, pp. 27–58.
- Olzak, S. (2013), "Competition theory of ethnic / racial conflict and protest", in Snow, D. A., della Porta, D., Klandermans, B. et al. (eds.), *The Wiley-Blackwell encyclopedia of social and political movements*, vol. 1, Wiley-Blackwell, Chichester, UK, Malden, MA, US, pp. 45–49, <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbe-spm043>.
- Prince, S. (2018), "Against ethnicity: Democracy, equality, and the northern Irish conflict", *Journal of British Studies*, vol. 57, no. 4, pp. 783–811, <https://doi.org/10.1017/jbr.2018.117>.

Schneider, S. L. (2008), “Anti-immigrant attitudes in Europe: Outgroup size and perceived ethnic threat”, *European Sociological Review*, vol. 24, no. 1, pp. 133–145, <https://doi.org/10.1093/esr/jcm034>.

Tatarko, A., Mironova, A. and Chuvashov, S. (2015), *Does ethnic diversity affect social capital in the Russian context?*, *Higher School of Economics Research Paper № WP BRP 63/SOC/2015*, 19 p., <https://doi.org/10.2139/SSRN.2613357>.

Vanhanen, T. (1999), “Domestic ethnic conflict and ethnic nepotism: A comparative analysis”, *Journal of Peace Research*, vol. 36, no. 1, pp. 55–73, <https://doi.org/10.1177/0022343399036001004>.

Wolff, S. (2011), “Managing ethno-national conflict: Towards an analytical framework”, *Commonwealth and Comparative Politics*, vol. 49, no. 2, pp. 162–195, <https://doi.org/10.1080/14662043.2011.564471>.

Information about the author

R. S. Mukhametov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Political Sciences, Ural Federal University, 19 Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia

SPIN-code (RSCI): 2774-6303

AuthorID (RSCI): 538787

Web of Science ResearcherID: M-7158-2016

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 07.05.2022; accepted for publication 07.05.2022.